

Игорь Лоцилов

СТИХОТВОРЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ СТЮАРТ «СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ»: ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена детскому стихотворению сибирского поэта Елизаветы Стюарт (1906–1984), впервые опубликованному в 1935 г. под названием «У страха глаза велики». В 1935–1956 гг. стихотворение публиковалось в авторских сборниках поэта шесть раз, три раза под названием «Страшный зверь». В 1938 г. под этим названием оно вышло отдельной книжкой. Собраны и систематизированы отзывы критиков о стихотворении. Подробно проанализировано пространство стихотворения. Показано, что оно отражает тот этап в развитии ребенка, когда он умеет хорошо ориентироваться в комнате и в квартире, свободно перемещается в этом пространстве, общается с взрослыми, но еще не имеет даже смутного представления о географии. Показаны литературные и культурные подтексты стихотворения. Проанализирован неопубликованный вариант стихотворения, который был сделан автором в годы преследования «космополитов» (1948–1953). Писательницу обвиняли в отрыве от современности и неуважительном отношении к ребенку. Из-за дворянского происхождения и нерусской аристократической фамилии Елизавета Стюарт неоднократно подвергалась гонениям в литературной критике. Выдвинуто предположение о том, что в подтексте стихотворения была заложена память о художественном мире Николая Гумилева¹.

Ключевые слова: детская литература, Е. Стюарт, образ пространства, Н. Гумилев, литературная критика в Сибири

Детское стихотворение Елизаветы Стюарт «У страха глаза велики» впервые было опубликовано в 1935 г. во взрослом журнале «Сибирские огни» [Стюарт 1935, 126–125]. В следующем году оно

Игорь Евгеньевич Лоцилов
Институт филологии Сибирского отделения РАН,
Новосибирск
loshch@yandex.ru

дважды печаталось в изданиях для детей, второй раз — под измененным названием: «Страшный зверь» [Стюарт 1936а, 3; Стюарт 1936б, 48–30]. В 1938 г. под новым названием стихотворение было издано отдельной восьмистраничной книжкой [Стюарт 1938]. После войны Стюарт дважды включала его в сборники своих детских стихотворений [Стюарт 1945, 16–18; Стюарт 1956, 13–15]. В последний раз, насколько нам известно, оно воспроизводилось в печати в 1956 г., под первоначальным названием. Во всех шести публикациях содержатся разночтения, более или менее значительные; о некоторых будет сказано далее. В архивном фонде поэта сохранились две машинописные редакции и экземпляр книжки «Ласковое солнце» с авторской карандашной правкой, которые в дальнейших рассуждениях мы тоже будем иметь в виду². Попробуем разобраться, как и почему Стюарт вносила изменения в этот текст на протяжении более чем 20 лет, как стихотворение было прочитано современниками и как организовано в этом стихотворении пространство.

Приведем текст стихотворения по отдельному изданию 1938 г.

Страшный зверь

Додик в комнате один.
В кресло сел с ногами.
— Кто ты, Додик?
— Мальчик... Сын...
— Чей ты, Додик?
— Мамин...
— Почему с ногами в кресле?
— Да, а звери выйдут если!
Мама где-то в кухне,
А если свет потухнет?..
— Что ты, что ты, мальчик Додик,
Звери в город не приходят!
Звери все в лесу по норам,
Им совсем не нужно в город.
— Может, в самом деле можно
Ножки на пол осторожно?
Ведь закрыта плотно дверь...
Ай! За шкафом страшный зверь!
В самом деле, видит Додик:
Из-за шкафа зверь выходит.
Очень лютой, очень злой,
Очень серый и большой.



Рис. 1. А. А. Туркин. Иллюстрация к книжке Елизаветы Стюарт
 «Страшный зверь» (Новосибирск, 1938)

Закричать? Нет, лучше тише:
 Разозлится лютый зверь.
 Мама может не услышать...
 Как спастись ему теперь?
 Лютый зверь пошел бесшумно,
 Вот окна уже достиг...
 Мальчик Додик очень умный,
 Догадался: это тигр!
 Очень страшный и усатый.
 Только тигр ведь полосатый...
 Может, это просто слон?
 Ну, а хобот? Нет, не он!..
 Леопард? Но где же пятна?
 Зверь идет уже обратно,
 Что-то ищет на полу.
 Подошел теперь к столу,
 Обежал неслышно ножку,
 Отыскал большую крошку,
 Торопливо очень ест...
 Может, шел бы лучше в лес?
 В это время мама входит.
 Зверь мгновенно убежал.

— Ты один скучаешь, Додик?
Додик к маме, весь дрожа:
— Мама, это что такое
Очень серое, большое,
Ты когда открыла дверь,
Убежало? Это зверь?
— Что ты, что ты, мальчик Додик
Звери в город не приходят,
Звери все в лесу, по норам,
Ну, зачем же зверям в город?
— Что же было здесь такое
Очень серое, большое?
Зверь, наверно, очень лютый!
— Что-то, Додик, ты напугал.
— Нет, глаза, как бисеринки,
Хвост, как серая резинка!
Я подумал — это слон,
Ну, а хобот? Нет, не он!
Леопард? Но где же пятна?
— Ну, теперь мне все понятно!
Додик, ты трусишка:
Это просто мышка!

История публикаций и реценция

Стихотворение про мальчика Додика было второй публикацией поэта во взрослой печати. Елизавета Стюарт вошла в печатную литературу в 1929 г. — в год «великого перелома», когда в Ленинграде вышли «Столбцы» Николая Заболоцкого. В новосибирском детском журнале «Товарищ» были напечатаны два стихотворения и рассказ, отобранные и посланные ее друзьями еще из Томска, где тогда жила Стюарт. Первое из этих стихотворений, «Медведь» [Стюарт 1929а, 33], удачно поддержало детский бестиарий Александра Оленича-Гнененко из прошлогодних выпусков, когда журнал еще носил другое название — «Сибирский детский журнал». Второе [Стюарт 1929б, 16] — исполненный подлинного драматизма трагический рассказ об охоте на лису³, написанный экспериментально-многостопным размером, совсем не предназначенным, казалось бы, для детской поэзии. Рассказ «Полярная сова» [Стюарт 1929б, 2–6] — блестящий образец новеллистики 1920-х гг., материал которого (повествование о судьбе мальчика — сына запойного такси-



Рис. 2. А. А. Туркин. Иллюстрация к книжке Елизаветы Стюарт «Страшный зверь» (Новосибирск, 1938)

дермиста) напоминает о «жестокой прозе» Бунина, а композиция и система повторов — о поэтике Бориса Пильняка.

В 1920–1930-х гг. доставшаяся Стюарт от шотландских предков династическая фамилия и дворянское происхождение были серьезным препятствием для работы на литературном поприще, вызывали недоверие и подозрения. В 1930-х гг. детские стихи Стюарт нечасто, но встречались на страницах новосибирских газет «Октябрятская звездочка» и «Юный ленинец»; два ее стихотворения опубликовал московский «ежемесячный журнал для деревенских октябрят и школьников» «Искорка» [Стюарт 1933, 6–7]. Первое появление Стюарт на страницах взрослого издания, журнала «Сибирские огни», состоялось только в 1934 г. [Стюарт 1934]; это были детское стихотворение «Слон» и взрослое «На севере», отмеченное влиянием Николая Гумилева, и, может быть, Петра Драверта.

В разные годы в откликах на интересующее нас стихотворение отмечались как его литературные достоинства, так и «несозвуч-

ность» эпохе (позже о взрослых стихах Стюарт говорили, что они могли бы быть напечатанными в «рождественском номере какого-нибудь дореволюционного журнала» [Протокол 1949, 21–22]). Агния Барто по поводу этого стихотворения заметила: «Это такой мамин мальчик, который боится всего, нервный, несколько трусливый мальчик. В этих строчках есть и своя интонация: „Кто ты, Додик — Мальчик. Сын“. Очень лаконично и точно. Вы сразу видите этого мальчика, который в кресле сидит с ногами. <...> Но что досадно? Прежде всего то, что перед ней [Елизаветой Стюарт] какой-то узкий мирок, замкнутый. Хотелось бы, чтобы она нашла более глубокие темы и поставила бы перед детьми вопросы, которые их волнуют. <...> У нее темы взяты вне времени и пространства» [Без подписи 1937, 151–152]. Поэт и критик Александр Смердов писал: «Игра детского воображения передана отлично. Мальчугану, слышавшему о тиграх, слонах и леопардах, но не видавшему никогда живой мышки, она кажется огромным „страшным зверем“. И эти страхи маленького Додика так хорошо переданы, что они заставляют и нашего маленького читателя с огромным интересом следить за превращениями „страшного зверя“. А оказывается — и бояться-то совсем нечего! И читатель смеется над Додиком. <...> Говоря вообще о стихах Елизаветы Стюарт, нельзя, конечно, не отметить и некоторой тематической узости, пожелать расширения тематики, охвата большего круга запросов, интересов, стремлений нашей советской детворы» [Смердов 1939, 159–160]. В годы «борьбы с космополитизмом», когда Стюарт стала предметом общего шельмования, критики указывали: «Едва ли правильно поступает Е. Стюарт... когда главным его героем делает трусишку — мальчика Додика, испугавшегося мышки, которую он принял за страшного зверя. Радужно-ласковое осуждение едва ли единственное и сильное средство воспитания. Ведь для детского писателя важно показать не только, как не быть плохим, но и научить его, как быть хорошим» [Немира, Сотников 1950, 144]. Безоговорочное признание к Стюарт (и к ее рассказу о «страшном звере») приходит только в 1970-е гг.: «Здесь не просто забавная ситуация, а успешная попытка нарисовать характер, показать, к чему может привести робость; случай с Додиком воспринимается, как наглядное воплощение половицы „У страха глаза велики“. Причина успеха — не только в обращении автора к характеру героя, не только в юморе, а в умении воспроизвести в стихах интонацию детской речи. Ритмический рисунок стиха хорошо передает течение внутреннего монолога, то замедляющегося (надо подумать, что за страшный зверь оказался

в комнате), то лихорадочно поспешного (нужно скорее решить, как избежать отчаянной опасности)» [Мостков 1976, 12].

Пространство и сюжет

В первой строфе стихотворения — противоречие, актуализирующее категорию *пространства*. Сказано, что мальчик *один* в комнате, однако некто, знающий его имя, задает ему вопросы и получает ответы. Это, несомненно, голос взрослого — и постороннего, незнакомого: в ответах слышна робость и опаска. Этот голос существует вне реального пространства комнаты и тонко задает мистический и даже религиозный подтекст стихотворения, лишь точно и не вполне всерьез выходящий на поверхность: «Как спастись ему теперь?»; « — Да, а звери выйдут если!» (возможно, апокалиптические химеры, вышедшие из моря и из земли?..). Этот же властный голос, которому чудесным образом с самого начала известно имя ребенка, спрашивает далее: «Почему с ногами в кресле?», и увещевает « — Что ты, что ты, мальчик Додик...» (второй раз это увещевание произносится голосом мамы). Парадоксальности мизансцены (Додик один, и в то же время некто задает ему вопросы и получает ответы) читатель не замечает в первую очередь благодаря энергичному ритму стихотворения и убедительному правдоподобию, заданному в первых двух строках стихотворения.

В них представлена декорация, связывающая *комнату* и *мебель* с *телом ребенка*, благодаря кратко описанной позе: «Додик в комнате один. / В кресло сел с ногами». В конце первой строфы образ пространства раздвигается до пределов неназванной *квартиры*, где, как выясняется, есть и другие, менее определенные части, например — *кухня*: «Мама где-то в кухне». *Кресло* — в *комнате*, *комната* — в *квартире*, *квартира* — в *городе*, за пределами которого — *лес* и *норы* в лесу; там обитают опасные звери, но здесь, в *городе*, в *квартире* и в *кресле* они не представляют опасности: «Звери все в лесу по норам, / Им совсем не нужно в город».

Ребенок и хочет, и опасается расширить свое пространство за пределы *кресла* — названы несколько более опасный *пол* и защитная преграда, *дверь*: «— Может, в самом деле можно / Ножки на пол осторожно? / Ведь закрыта плотно дверь...». И вот тут-то выясняется, что опасность может возникнуть не из *кухни*, *города* или *леса*, но прямо тут, в *комнате* — из-за *шкафа*: «Ай! За шкафом страшный зверь!» Зверь появляется *из-за шкафа (мебели)* и движется к *окну*, связывающему *комнату* и *квартиру* — с *горо-*

дом и прочей периферией (*лесом* и *норами*): «Из-за шкафа зверь выходит. <...> Вот окна уже достиг...» В представлении Додика, вероятно, было бы естественней, если зверь, собственно, появился бы *из окна*; *дверь* для этого достаточно надежна. В начале стихотворения выражено опасение: «А если свет потухнет?»: мальчик, в первую очередь, боится темноты — той довременной, стирающей границы между предметами тьмы, из которой может появиться что угодно (в паремийной версии названия присутствует мотив зрения: «У страха *глаза* велики»). Попутно выясняется, что *кухня* (где пребывает мама) достаточно далеко от *комнаты*: «Мама может не услышать...»

Далее следуют попытки идентификации страшного зверя, в процессе выясняется, что Додик имеет о зверях исключительно книжно-литературное (несмотря на неумение читать) представление: «мальчик Додик очень умный», о них ему рассказывали или читали взрослые, прежде всего, вероятно, мама. Кроме того, он видел их на картинках в детских книжках. Вместо относительно правдоподобных для здешних мест лисы, волка или медведя (персонажей других детских стихотворений Стюарт 1930-х гг.) он вспоминает об экзотических тигре, слоне и леопарде, которые, как мы понимаем, действительно обитают *в лесу* (в условиях живой природы, а не в *городах*), но это африканский или индийский *лес*, и добраться до *квартиры* и *кресла* с Додиком эти звери не могли бы уже ни при каких обстоятельствах. Все предположения отменяются как несостоятельные: у видимого воочию зверя нет соответствующих атрибутов (полос, хобота или пятен). Именно неточный (забыт тигр, но если бы стихотворение не кончилось — непременно был бы упомянут и он) повтор этих попыток составит комический «пунант» стихотворения в его финале, перед самым «разоблачением» как Додика, так и «зверя» («Додик, ты трусишка: / Это просто мышка!»).

Между тем зверь осваивает свое собственное пространство в *комнате*, от *окна* возвращается вглубь *комнаты* («Идет уже обратно...»), к *столу*: «Что-то ищет на полу. / Подошел теперь к столу, / Обежал неслышно ножку / Отыскал большую крошку, / Торопливо очень ест...». Зверь пользуется *столом* по назначению (ест), но непривычным для Додика образом: он действует не *за столом*, но *под столом*; его пространство — *пол*, куда, как мы помним, Додик чуть было не опустил *свои ножки*. (Слово «ножка» сближает образ *мебели* с представлениями о собственном *теле*.) Способность зверя возвращаться вселяет в Додика робкую надежду на то, что

зверь вернется (как уже вернулся от *окна к столу*) в свои владения — в *лес*, где он, видимо, и обитает, пока не явился из-за *шкафа*: «Может, шел бы лучше в лес?»

Спасение приходит через неназванную на этот раз *дверь*: «В это время мама входит. / Зверь мгновенно убежал». Мама повторяет увещание о надежной границе между *лесом* и *городом* (в том, числе, *квартирой, комнатой и креслом*), а Додик возвращается к попыткам понять «Что это было?», погружаясь в подробности атрибутов *телесного* устройства — на этот раз уже не своего, а страшного зверя: «— Нет, глаза, как бисеринки, / Хвост, как серая резинка!». Повторяя названия страшных зверей, Додик как бы заговаривает себя от возвращения мышки; в этом он следует за автором, дважды (второй раз голосом мамы) сказавшим о том, что зверям «совсем не нужно в город».

В последней из опубликованных редакций Стюарт сократила объем текста, и формула-оберег («Что ты, что ты, мальчик Додик... Ну зачем же зверям в город? / Им совсем не нужно в город») произносится всего один раз, в начале стихотворения. Возможно, она вспомнила о суждении Агнии Барто, явно не «расслышавшей» и не одобрявшей в 1937 г. функциональности повторов в стихотворении Стюарт: «Смысл стихотворения о мальчике Додике тот, что мальчик испугался мышонка, приняв его за страшного зверя. Это стихотворение должно было быть небольшим, коротким, строчек в 20, а оно очень длинное, три страницы!» [Без подписи 1937, 151–152].

Таким образом, сюжет стихотворения отражает момент в развитии ребенка: топография квартиры, проксемика и кинетика им освоены в достаточной мере, но освоение основ географии и зоологии у него еще впереди. Образы животных существуют для него в полном отрыве от реальности их существования: «Может, это просто слон?»

На страницах взрослого издания, где стихотворение единственный раз было напечатано без единой картинке-иллюстрации, оно читается как образец литературного профессионализма. Ребенок, читатель или слушатель стихотворения, вероятно, узнает или вспомнит свои недавние страхи и представления о мироустройстве, а взрослый умиляетсястройной и наивной картине мира мальчика Додика, и, может быть, что-то вспомнит о первых годах своей жизни: «Елизавета Стюарт умеет писать для детей так, что эти ее произведения не без интереса читаются и взрослыми. Таковы, например, известные ее стихи о мальчике Додике...» [Борисов 1941, 173].

История текста

Если во «взрослых» стихах Стюарт следовала «парнасской», досоветской поэтике Бунина, Гумилева, Ахматовой и Волошина, которых она называла своими любимыми поэтами [Воспоминания 1988, 218–219], ее произведения для детей также находятся в стороне от магистральной линии советской литературы для детей с ее установкой «убить Чарскую» [см.: Убить... 2013, 5–6, 87], они продолжали в новых условиях не линию «Степки-Растрепки» и «Галчонка», но традиции дореволюционной детской периодики более консервативной и «классической» ориентации («Тропинка», «Задушевное слово», «Светлячок», «Проталинка» и др.).

Рассмотрим самые важные вехи в истории текста, с учетом всех шести публикаций, от первой, вышедшей в 1935 г., до последней — в книжке «С добрым утром!» 1956 г.

Мы предпочли отталкиваться в этой текстологической экспликации от текста книжки 1938 г., взяв его как основной; он представляется нам наиболее точно и полно отражающим замысел поэта. Книжка была удачно проиллюстрирована штатным художником Новосибирскигиза Алексеем Александровичем Туркиным (1998–1982).

Публикации в изданиях 1935 и 1936 гг. видятся нам предысторией «Страшного зверя» [Стюарт 1938], а последующие, 1945 и 1956 гг., несут на себе след драматических событий в судьбе автора, о которых нам еще придется вспомнить. Поэтому текст 1956 г. вряд ли можно считать «каноническим»: «...без полного изучения истории текста, истории замысла произведения и истории „воли автора“, а также без художественной оценки всех вариантов и редакций текста применять принцип „последней авторской воли“ нельзя. Поэтому в последнее время текстологи говорят не о „последней авторской воле“, а о „последней творческой авторской воле“. Эта небольшая оговорка в корне меняет дело, так как она лишает текстолога права механически применять принцип „последней авторской воли“ и вынуждает его художественно оценивать варианты и редакции текста» [Лихачев 1964, 83].

Во всех других редакциях, и до и после книжки 1938 г., за строками «В самом деле, видит Додик: / Из-за шкафа зверь выходит» следует другой текст:

Он от страха очень лютым
Показался в ту минуту,

Очень лютым и — большим...
Мальчик Додик, не дыши!

В зазоре между «Показался в ту минуту...» и «Очень лютый, очень злой, / Очень серый и большой...» просвечивает «бергсониянская» проблематика, сосредоточение на самой границе внутреннего и внешнего, субъекта и объекта. Е. В. Капинос отметила, что для Стюарт характерно «соприсутствие в рамках одного текста наивной „детской“ и серьезной „взрослой“ точек зрения» [Капинос 2009, 197]. В редакциях с «Показался в ту минуту...» возникает внеположная Додику, «взрослая» точка зрения: сразу сообщается, что это результат кажимости, иллюзия. «Очень лютый, очень злой...» — непосредственное, неотрефлексированное переживание самого Додика: зверь действительно большой, злой и лютый. Не *показалось*, а так и *есть*. Этот вариант кажется нам более убедительным; с ним связана и временная смена названия: в первой версии под названием «Страшный зверь» сохраняется первоначальный вариант второй строфы [Стюарт 1936b], во второй [Стюарт 1938] — зверь не *показался* страшным — он действительно таковым *является*, третья [Стюарт 1945], сохраняя новое название, возвращается к кажимости. Название «У страха глаза велики» подчеркивает зрительную границу между внешним и внутренним миром ребенка: глазам может и показаться, почудиться. Название «Страшный зверь» исключает такое допущение. В последнем интервью 1983 г. Елизавета Стюарт говорила: «...я выросла из Бунина — поэта и прозаика, в котором меня привлекали внимание к деталям, тонкость, *органичное соотношение внутреннего и внешнего*» [Воспоминания... 1988, 217; курсив мой — *И. Л.*]. По каким-то причинам в двух послевоенных переизданиях Стюарт вернула исходный вариант («Показался в ту минуту...»), а самом последнем и первоначальное название.

Немалый интерес представляет авторская правка на соответствующих страницах книжки «Ласковое солнце» [Ласковое солнце 1945] и сделанная на ее основе машинописная копия [Ласковое солнце 1946–1953]. Книжка вышла в 1945 г., а правка и машинопись, вероятно, относятся к промежутку между 1946 и 1953 гг. В 1946 г. сибирская литературная критика, вслед за известными правительственными постановлениями, писала: «Центральный Комитет партии показывает всю вредность клеветнических писаний пошыяка Зоценко о Советской стране и советских людях и безыдейных стихов Ахматовой, пропитанных духом упадничества и пессимизма. <...> В книжке Елизаветы Стюарт „Ласковое

солнце“, изданной Новосибирским ОГИЗом, нет ничего, что говорило бы о советском времени, о советском народе, о его борьбе и победах». Еще более драматические события в жизни Стюарт связаны с кампанией по «борьбе с космополитами» 1948–1953 гг. Ее имя мы найдем в «Советской Сибири» на странице под названием «Сметем с пути клеветников-антипатриотов!». Появилось оно и в газете «Правда»: «В некоторых стихотворениях способной поэтессы Е. Стюарт, написанных в послевоенные годы, заметны были чуждые духу нашей поэзии меланхолические тона, пессимистические нотки» [Дремов 1949, 2].

Вероятно, в ужасе от происходящего, Стюарт думала о возможном переиздании старого стихотворения в этих новых, мягко говоря, неблагоприятных условиях. Она меняет имя главного героя.

Додик — уменьшительная форма еврейского имени Давид, которое в контексте разгрома «театральных критиков» с нерусскими фамилиями становится опасным. Нельзя исключить, что в подтексте стихотворения с самого начала была заложена инверсированная ветхозаветная пара Давида и филистимлянина Голиафа, маленького и гигантского. Отметим попутно, что оба варианта названия отсылают к тем или иным культурным контекстам: первый является пословицей, а второй может напомнить о басне Эзопа «Мышь, петух и кот» в переводе Льва Толстого, публиковавшемся иногда под названием «Страшный зверь» («Мать сказала: — Скажи, какие это звери? Мышка сказала: — Один, страшный, ходит по двору вот так...») [Толстой 1957, 35]). При этом маленький мальчик по имени Давид (Додик) выступает по сравнению с маленькой мышкой в роли Голиафа (большого), хоть и чувствует себя Давидом (маленьким) перед большим и лютым зверем.

В новой версии вместо Додика появляется Коля — со всей определенностью русский, а не еврейский мальчик. Перемена имени потребовала поиска новых рифм («...в лесу на воле», «...в подполье», в машинописи «...в лесу да в поле»). С другой, стороны, она проясняет для нас в исходном варианте еще один возможный «взрослый» контекст (или подтекст): шутивно-иронический фразеологизм «Страха ради иудейска» и его евангельский источник (Иоанн 19: 38).

Исчезает и слово «ножки». Еще до войны Стюарт нередко обвиняли в «сюсюканье» с детьми: «...поражает неожиданное для Е. Стюарт обилие уменьшительных: кроватки, ребятки, Светланочка, баночка, туясочек, ручки, брючки, платьица, спаленки. Они создают снисходительную интонацию. Она особенно неприятна



Рис. 3. Страница из книжки Елизаветы Стюарт «Ласковое солнце» (Новосибирск, 1945) с авторской правкой. Иллюстрации И. В. Титкова

в том отрывке, в котором автор называет детей „человечками“. <...> Четырежды-человечки на десяти строчках! Это малоуважительное отношение к детям совершенно несправедливо. Малыш — не „человечек“, а человек, и именно сознание того, что он человек („это звучит гордо!“) надо, прежде всего, воспитывать в нем» [Борисов 1941, 173; курсив автора — И. Л.]; «...совсем плохо, что Стюарт в одном месте четыре раза называет ребят „человечки“. Это сказано свысока, с точки зрения взрослого человека, и независимо от желания автора звучит пренебрежительно» [Давшан 1941, 3].

Здесь же автор вычеркивает повтор «Что ты, что ты, мальчик Додик...» (см. выше), и эта купюра закреплена в обоих послевоенных машинописных копиях.

Зачеркнутые участки текста взяты нами в квадратные скобки, а вписанные простым карандашом выделены курсивом.

Страшный зверь

— [Додик] *Коля* в комнате один,
В кресло сел с ногами.
Кто ты, [Додик] *Коля*?
— Мальчик!.. Сын..
Чей ты, [Додик] *Коля*?
— Мамин!..
Почему с ногами в кресле?
— Да, а звери выйдут если!..
Мама где-то в кухне,
А если свет потухнет?!
Что ты, что ты, мальчик [Додик] *Коля*,
Звери [в город не приходят] *все в лесу на воле!*
Звери [все в лесу] *прячутся* по норам,
Им совсем не нужно в город.
[Может, в самом деле] *Значит, слезть и вправду* можно
[Ножки] *С кресла* на пол осторожно?
Ведь закрыта плотно дверь...
Ай! Под шкафом страшный зверь?
В самом деле видит [Додик] *Коля* –
[Из-под шкафа зверь выходит.]
Зверь под шкафом из подполья.
Он большим и очень лютым
Показался в ту минуту.
Закричать? Нет, лучше тише –
[Разозлиться может зверь.]
Мама [в кухне] *может* не услыш[ит]ать...
[Как спастись ему теперь?]
Лютый зверь прошел бесшумно.
Вот окна уже достиг...
Мальчик [Додик] *Коля* очень умный,
Догадался — это тигр!
[Очень] [*Зверь и*] *Он и* страшный и усатый...
Только тигр ведь полосатый?..
Может это просто слон?
Ну, а хобот? Нет, не он!
Леопард?
Но где же пятна?..
Зверь идет уже обратно,
Что-то ищет на полу,

Подошел теперь к столу,
Обогнул неслышно ножку,
Отыскал большую крошку,
Торопливо очень ест...
Уходил бы лучше в лес!
В это время мама [входит] *в двери*,
[Зверь мгновенно убежал.
— Ты один скучаешь, Додик *Коля*?
Додик к маме, весь, дрожа.]
Словно ветром сдуло зверя!
— Мама, это что такое,
Очень серое, большое,
Ты когда открыла дверь,
Убежало. Это — зверь?
[— Что ты, что ты, мальчик
Додик
Звери в город не приходят.
Звери все в лесу по норам,
Ну, зачем же зверям в город?
— Что же было здесь такое,]
Очень серое, большое?
Ты когда открыла дверь,
Убежало!.. Это зверь
И, наверно, очень лютей!..
— Что-то, [Додик] *Коля*, ты напугал!..
— Нет! Глаза, как бисеринки.
Хвост, как серая резинка!
Я подумал — это слон...
Ну, а хобот? Нет, не он!
Леопард? Но где же пятна?
— Ну, теперь мне все понятно?
[Додик, ты] *Ты, сынок* — трусишка[!]:
Это просто мышка! [Ласковое солнце 1945].

Подготовленному Стюарт «патриотическому» варианту (с Колей вместо «космополитического» Додика) не суждено было увидеть печатного станка. В следующий раз стихотворение было переиздано в 1956 г., когда буря миновала; в книжке «С добрым утром!» вернулся мальчик Додик, как и первоначальное название «У страха глаза велики», зато стихотворение здесь единственный раз напечатано без повтора «Что ты, что ты, мальчик Додик...», произносимого устами мамы.

«*Страшный зверь*» *Елизаветы Стюарт* — оммаж Гумилеву?..

Представляется, что имя Коля (Николай) было выбрано в подготовленной поэтом редакцией неслучайно. «Зашифрованности я не люблю», — говорила Стюарт [Воспоминания... 1988, 111], однако ей был хорошо знаком принцип действия «культурного пароля», заветного слова «для своих»⁴.

Осмелимся предположить, что, убрав завуалированное библейское имя, Стюарт намеренно заложила другой, не менее опасный, «если не политически, то эстетически несоветский подтекст» [Левинтон 2023, 446]. В нашем случае эстетическая и политическая составляющие присутствуют почти на равных.

Мальчик по имени Коля, перебирающий страшные образы тигра, слона и леопарда, в памяти принадлежащего к одной со Стюарт культурной генерации взрослого читателя ассоциируется с экзотическим бестиарием Николая Гумилева. «Очень люблю Гумилева, Волошина», — говорила в последнем интервью Стюарт [Воспоминания... 1988, 218]⁵. В памяти новосибирских литераторов была жива память о поэте Константине Беседине (1902–1938), сыне второго и последнего городского головы Новониколаевска, отлученном от печатного станка после того, как стало известно, что он написал посвященную памяти Гумилеву поэму «Путешествие» (см. об этом: [Лощилов, Тименчик 2015; Тименчик 2017, 572–578]).

Нельзя исключить, что гумилевский подтекст не выплыл неведомо откуда в конце 1940-х гг., но изначально присутствовал в стихотворении Стюарт. В таком случае «У страха глаза велики» («*Страшный зверь*») — своеобразный оммаж автору «Звездного ужаса», шуточное, как бы заведомо несерьезное прощание с юношеским увлечением гумилевской романтикой. Не называя запретного имени расстрелянного поэта, критики Стюарт так или иначе упрекали ее в недостаточном «разрыве» с этой стихией: «Романтика пиратских парусников и мушкетерских дуэлей для наших ребят бледнее романтики революционной борьбы и подвигов советских людей — утверждает... поэтесса. Однако она утверждает это декларативно и поэтому неубедительно» [Никульков 1958, 2].

В одном позднем стихотворении Стюарт писала: «У книг моих своя судьба — моя судьба вторая...». Это относится не только к взрослым книгам ее стихотворений, но и к детским книжкам, которые, как мы постарались показать, имели свою непростую судьбу.

Примечания

- ¹ Автор выражает признательность О. В. Выдриной и другим сотрудникам Государственного архива Новосибирской области.
- ² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 21, 104, 479.
- ³ Дедушка автора, Павел Эдуардович Стюарт (1856 — ?) написал и издал книгу «Сборник охотничьих рассказов: Уральского охотника и рыбака» (Томск, 1900. 205 с.), а также «Руководство для лиц, исполняющих обязанности весовщика на железных дорогах» (Томск, 1909. 34 с.).
- ⁴ Таким паролем, безусловно, была отсылка к названию поэтической книги Бориса Пастернака в названии ее «взрослой» книги «Второе рождение» 1945 г. Много позже, в 1979 г., Стюарт назовет свой московский сборник «Полынь и солнце», в точности повторив название книги, известной значительно более узкому кругу — харбинцам. В 1938 г. в Харбине вышел сборник «Полынь и солнце» поэта Алексея Ачаира (Грызова; 1896–1960), последние годы жизни которого были связаны с Новосибирском.
- ⁵ В прижизненную публикацию интервью этот фрагмент, разумеется, не вошел [Елизавета Стюарт 1983].

Литература

Источники

- Без подписи 1937* — [Без подписи]. Сибирские писатели в Москве // Сибирские огни. 1937. № 3, май–июнь. С. 151–154.
- Без подписи 1946* — [Без подписи]. За большевистскую идейность в работе писателей-сибиряков! // Советская Сибирь. 1946. № 182(8143), 11 сент. С. 1.
- Борисов 1941* — Борисов А. Две книжки для детей // Сибирские огни. 1941. № 1. С. 173–174.
- Воспоминания... 1988* — Воспоминания о Елизавете Стюарт / сост. А. Е. Меликова. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988.
- Давшан 1941* — Давшан М. Две книжки для малышей // Советская Сибирь. 1941. № 61(6430), 14 марта. С. 3.
- Дремов 1949* — Дремов Ан. За высокую требовательность и принципиальность: О журнале «Сибирские огни» // Правда. 1949. № 252(11359), 9 сент. С. 2.
- Елизавета Стюарт 1983* — Елизавета Стюарт: «Быть поэтом нелегкое право» / Беседу вел Павел Уляшов // Литературная Россия. 1983. № 40(1080), 30 сент. С. 8.

- Ласковое солнце 1945* — Ласковое солнце [1945] // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 104.
- Ласковое солнце 1946–1953* — Ласковое солнце: машинописная копия [между 1946–1953] // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2072. Оп. 1. Д. 21.
- Мостков 1976* — Мостков Ю. М. Умное сердце // Мостков Ю. Умное сердце: Три портрета. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1976. С. 3–120.
- Немира, Сотников 1950* — Немира К., Сотников И. Детская литература в Сибири // Сибирские огни. 1950. № 2. С. 140–150.
- Никульков 1958* — Никульков А. Воспитывать борцов и строителей! // Литературная газета. 1958. № 69(3880), 10 июня. С. 2–3.
- Протокол 1949* — Протокол собрания писателей города Новосибирска, состоявшегося 12 и 13 апреля 1949 года // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 98.
- Смердов 1939* — Смердов А. Про мальчика Додика: О стихах Е. Стюарт // Сибирские огни. 1939. № 2, март–апрель. С. 159–160.
- Стюарт 1929a* — Стюарт Е. Медведь («Он сначала ежился со сна...») // Товарищ: Журнал школьников и пионеров Сибири (Новосибирск). 1929. № 3. С. 33.
- Стюарт 1929b* — Стюарт Е. Лисица («Жила, как всякая лиса: весною — серенький лисенок...») // Товарищ. 1929. № 7. С. 16.
- Стюарт 1929c* — Стюарт Е. Полярная сова // Товарищ. 1929. № 8. С. 2–6.
- Стюарт 1933* — Стюарт Е. Белый медведь; Лакомка // Искорка. 1933. № 1. С. 6–7.
- Стюарт 1934* — Стюарт Е. Слон: Сказочка для детей; На севере // Сибирские огни. 1934. № 5, сент.–окт. С. 50–52.
- Стюарт 1935* — Стюарт Ел. У страха глаза велики (Из книжки для детей) // Сибирские огни. 1935. № 2. С. 125–126.
- Стюарт 1936a* — Стюарт Е. У страха глаза велики // Октябрьская звездочка (Новосибирск). 1936. № 4, 10 февр. С. [3].
- Стюарт 1936b* — Стюарт Е. Страшный зверь / художник Г. Тяжелников // Юность: Сборник для детей старшего и среднего возраста. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. С. 38–40.
- Стюарт 1938* — Стюарт Е. Страшный зверь / рис. А. Туркина. Новосибирск: Новосибирскигиз, 1938.
- Стюарт 1945* — Стюарт Е. Ласковое солнце: Стихи. Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1945.

Стюарт 1956 — Стюарт Е. С добрым утром! Стихи для детей / худож. С. Калачев. 2-е изд. Новосибирск: Книжное издательство, 1956.

Толстой 1957 — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21: Новая азбука и русские книги для чтения. М.: ГИХЛ, 1957.

Исследования

Капинос 2009 — Капинос Е. В. Стюарт Елизавета Константиновна // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С — Я. Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 197.

Левинтон 2023 — Левинтон Г. А. Маргиналии к Маршаку // *Slavica Revalensia*. 2023. Vol. 10. Pp. 446–471. DOI: 10.22601/SR.2023.10.17.

Лихачев 1964 — Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М.–Л.: Наука, 1964.

Лощилов, Тименчик 2015 — Лощилов И. Е., Тименчик Р. Д. Поэт Константин Беседин: муза странствований и путешествий // Русский травелог XVIII–XX веков: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2015. С. 246–652.

Тименчик 2017 — Тименчик Р. Д. Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2017.

Убить... 2013 — «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е–1930-е гг. / сост. и ред.: М. Р. Балина и В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013.

References

Kapinos 2009 — Kapinos, E. V. (2009). Stjuart Elizaveta Konstantinovna [Stewart Elizaveta Konstantinovna]. Istoricheskaja jenciklopedija Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia] (T. 3: S — Ja; pp. 197). Novosibirsk: Izdatel'skij Dom "Istoricheskoe nasledie Sibiri".

Levinton 2023 — Levinton, G. A. (2023). Marginalii k Marshaku [Marginalia to Marshak]. *Slavica Revalensia*, 10, 446–471. DOI: 10.22601/SR. 2023.10.17.

Likhachev 1964 — Likhachev, D. S. (1964). Tekstologiya: Kratkiy ocherk [Textology: A brief essay]. Moscow; Leningrad: Nauka.

Loshhilov, Timenchik 2015 — Loshhilov, I. E., Timenchik, R. D. (2015). Pojet Konstantin Besedin: muza stranstvovanij i puteshestvij [Poet Konstantin Besedin: muse of wanderings and travels]. In T. I. Pecherskaya (Ed.), *Russkij travelog XVIII–XX vekov: Kollektivnaja monografija* [The Russian travelogue of the XVIII–XX centuries : Collective monograph] (pp. 246–652). Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU.

Timenchik 2017 — Timenchik, R. D. (2017). Podzemnye klassiki: Innokentij Annenskij, Nikolaj Gumilev [Underground classics: Innokenty Annensky, Nikolai Gumilyov]. Moscow, Ierusalim: Mosty kul'tury; Gesharim.

Ubit'... 2013 — Balina, M. R., Vyugin, V. Yu. (Eds.). (2013). “Ubit' Charskuyu...”: Paradoksy sovetskoy literatury dlya detey, 1920-e–1930-e gg. [“Kill Charskaya...”: Paradoxes of Soviet literature for children, 1920s–1930s]. Saint Petersburg: Aleteyya.

Igor Loshchilov

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-3642-2590

ELIZABETH STEWART'S POEM *THE TERRIBLE BEAST*: HISTORY OF TEXT AND POETICS OF SPACE

The article is devoted to the children's poem by the Siberian poet Elizabeth Stewart (1906–1984), first published in 1935 under the title *Fear has Big Eyes*. In 1935–1965, the poem was published in the poet's author's collections six times, three times under the title *Terrible Beast*. In 1938, under this title, it was published as a separate book. Critics' reviews of the poem have been collected and systematized. The space of the poem is analyzed in detail. It is shown that it reflects that stage in a child's development when he can navigate well in a room and in an apartment, moves freely in this space, communicates with adults, but does not yet have even a vague idea of geography. The literary and cultural implications of the poem are shown. An unpublished version of the poem, which was made by the author during the years of persecution of “cosmopolitans” (1948–1953), is analyzed. She was accused of being out of touch with modernity and of disrespecting the child. Because of her noble origins and non-Russian aristocratic surname, Elizabeth Stewart was repeatedly persecuted in literary criticism. An assumption has been made that the subtext of the poem contained the memory of the aesthetics of Nikolai Gumilyov.

Keywords: children's literature, children's poetry, Elizabeth Stewart, image of space, Nikolai Gumilyov, literary criticism in Siberia